





## Лисичкин хлеб

Однажды я проходил в лесу целый день и под вечер вернулся домой с богатой добычей. Снял с плеч тяжёлую сумку и стал своё добро выкладывать на стол.

— Это что за птица? — спросила Зиночка.

— Терентий, — ответил я.

И рассказал ей про тетерева: как он живёт в лесу, как бормочет весной, как берёзовые почки клюёт, ягодки осенью в болотах собирает, зимой греется от ветра под снегом. Рассказал ей тоже про рябчика, показал ей — что серенький, с хохолком, и посвистел в дудочку порябчиному и ей дал посвистеть. Ещё я высыпал на стол много белых грибов, и красных, и чёрных. Ещё у меня была в кармане кровавая ягода костяника, и голубая черника, и красная брусника. Ещё я принёс с собой ароматный комочек сосновой смолы, дал понюхать девочке и сказал, что этой смолкой деревья лечатся.

— Кто же их там лечит? — спросила Зиночка.

— Сами лечатся, — ответил я. — Придёт, бывает, охотник, захочется ему отдохнуть, он и воткнёт топор в дерево и на топор сумку повесит, а сам ляжет под

деревом. Поспит, отдохнёт. Вынет из дерева топор, сумку наденет, уйдёт. А из ранки от топора из дерева побежит эта ароматная смолка и ранку эту затянет.

Тоже, нарочно для Зиночки, принёс я разных чудесных трав по листику, по корешку, по цветочку: кукушкины слёзки, валерьянка, петров крест, заячья капуста. И как раз под заячьей капустой лежал у меня кусок чёрного хлеба: со мной это постоянно бывает, что, когда не возьму хлеба в лес — голодно, а возьму — забуду съесть и назад принесу. А Зиночка, когда увидела у меня под заячьей капустой чёрный хлеб, так и обомлела:

— Откуда же это в лесу взялся хлеб?

— Что же тут удивительного? Ведь есть же там капуста!

— Заячья...

— А хлеб — лисичкин. Отведай.

Осторожно попробовала и начала есть:

— Хороший лисичкин хлеб!

И съела весь мой чёрный хлеб дочиста. Так и пошло у нас: Зиночка, копуля такая, часто и белый-то хлеб не берёт, а как я из лесу лисичкин хлеб принесу, съест всегда его весь и похвалит:

— Лисичкин хлеб куда лучше нашего!



## Первая стойка

**М**ой легавый щенок называется Ромул, но я больше зову его Ромой или просто Ромкой, а изредка величаю его Романом Василичем.

У этого Ромки скорее всего растут лапы и уши. Такие длинные у него выросли уши, что когда вниз посмотрит, так и глаза закрывают, а лапами он часто что-нибудь задевает и сам кувыркается.

Сегодня был такой случай: поднимался он по каменной лестнице из подвала, зацепил своей лапиной полкирпича, и тот покатился вниз, считая ступеньки. Ромушка этому очень удивился и стоял наверху, спустив уши на глаза. Долго он смотрел вниз, повёртывая голову то на один бок, то на другой, чтобы ухо отклонилось от глаза и можно было смотреть.

— Вот штука-то, Роман Василич, — сказал я, — кирпич-то вроде как живой, ведь скачет!

Рома поглядел на меня умно.

— Не очень-то заглядывайся на меня, — сказал я, — не считай галок, а то он соберётся с духом, да вверх поскочит, да тебе даст прямо в нос.

Рома перевёл глаза. Ему, наверное, очень хотелось побежать и проверить, отчего это мёртвый кирпич вдруг ожил и покатился. Но спуститься туда было очень опасно: что, если там кирпич схватит его и утянет вниз, навсегда в тёмный подвал?





— Что же делать-то, — спросил я, — разве удрать?  
Рома взглянул на меня только на одно мгновение,  
и я хорошо его понял, он хотел мне сказать:

«Я и сам подумываю, как бы удрать, а ну как я повернусь, а он меня схватит за прутик?»

Нет, и это оказывается невозможным, и так Рома долго стоял, и это была его первая стойка по мёртвому кирпичу, как большие собаки постоянно делают, когда носом почуют в траве живую дичь.

Чем дольше стоял Ромка, тем ему становилось опасней и страшней: по собачьим чувствам выходит так, что чем мертвее затаится враг, тем ужаснее будет, когда он вдруг оживёт и прыгнет.

«Перестою», — твердит про себя Ромка.

И чудится ему, будто кирпич шепчет:

— Перележу.

Но кирпичу можно хоть сто лет лежать, а живому пёсику трудно, устал и дрожит.

Я спрашиваю:

— Что же делать-то, Роман Василич?

Рома ответил по-своему:

— Разве брехнуть?

— Вали, — говорю, — лай!

Ромка брехнул и отпрыгнул. Верно, со страху ему показалось, будто он разбудил кирпич и тот чуть-чуть шевельнулся. Стоит, смотрит издали, — нет, не вылезает кирпич. Тихонечко подкрадывается, глядит осторожно вниз: лежит.

— Разве ещё раз брехнуть!

Брехнул и отпрыгнул.

Тогда на лай прибежала Кэт, Ромина мать, впилась глазами в то место, куда лаял сын, и медленно, с лесенки на лесенку стала спускаться. На это время Ромка, конечно, перестал лаять, доверил это дело матери и сам глядел вниз много смелее.

Кэт узнала по запаху Роминой лапы след на страшном кирпиче, понюхала его: кирпич был совершенно мёртвый и безопасный. Потом, на случай, она постепенно обнюхала всё, ничего не нашла подозрительного и, повернув голову вверх, глазами сказала сыну:

— Мне кажется, Рома, здесь всё благополучно.

После того Ромул успокоился и завилял прутиком. Кэт стала подыматься, он нагнал мать и принялся тереть её за ухо.



## Как Ромка переходил ручей

**М**ы собрались переходить ручей и пустили Ромку вперёд. Он подошёл к струящейся воде и вдруг отпрыгнул назад. Потом крайне осторожно подошёл опять и, когда убедился, что вода течёт, струится, значит, вода живая, — снова отпрыгнул, раз, и два, и пошёл потрясать воздух своим басом.

— Ромка, Ромка! — убеждали мы. — Не будь дураком, иди, иди.

Он послушался, подкрался. Ручей струился по камушкам только посредине, а по сторонам застойная вода его была подёрнута слоем зеленоватой тины. Ветер подогнал края этой тины к берегу и развесил на прутиках, как большую зелёную тряпку.

Вот Рома, подумав, что всё дело в этой тряпке, схватил за край тины и потянул. Он рвал траву и, не успевая проглатывать, выбрасывал, и зелёная тина мокрыми усами свисала из его пасти.



Но вот обнажился в воде какой-то чёрный ком, и тут Ромка, решив, что не в тряпке дело, а что ком во всём виноват, схватился зубами за ком и потащил. Но ком был только началом затопленной коряги, и, когда она большая, чёрная из воды показалась, Ромка бросил ком и со всего маху в страшном испуге шарахнулся назад на берег, и там уже так забрежал, так забрежал!

И даже когда я на глазах его перешёл ручей, он не сразу пошёл за мной: он увидел меня на том берегу, завизжал сначала, потом набрался храбрости и скакнул таким быстрым гигантским скачком, что живая вода не успела схватить его за ногу.

После того мы перешли в жидкое топкое болото, и Ромка тут работал безукоризненно. Правда, он ходил по воде несколько бурно, но как только причувывал след, начинал тихо подкрадываться, и бекасы иногда его подпускали совсем близко.





## Школа в кустах

**Н**еобходимо научить молодую легавую собаку, чтобы она бегала в поле вокруг охотника не далее ружейного выстрела, на пятьдесят шагов, а в лесу ещё ближе, и, главное, всегда бы помнила о хозяине и не увлекалась своими делами. Вот это всё вместе — ходить правильными кругами в поле и не терять хозяина в лесу — называется правильным поиском.

Я пошёл на холм, покрытый кустарником, и захватил с собой Ромку. Этот кустарник отводят жителям слободы для вырубки на топливо, и потому он называется отводом. Конечно, тут всё поделено на участки, и каждый берёт со своей полосы, сколько ему понадобится. Иной вовсе не берёт, и его густой участок стоит островком. Иной вырубаёт что покрупнее, а мелочь продолжает расти. А бывает, и всё вырубят дочиста, на такой полосе остаётся только ворох гниющего хвороста. Вот почему весь этот большой холм похож на голову, стриженную слепым парикмахером.

Трудно было думать, чтобы на таком месте вблизи города могла водиться какая-нибудь дичь, а учителю молодой собаки такое пустое место на первых порах бывает гораздо дороже, чем богатое дичью. На пустом месте собака учится одному делу: правильно бегать, ни на минуту не забывая хозяина.

Я отстегнул поводок, погладил Ромку. Он и не почувствовал, когда я отстегнул, стоял возле меня как привязанный.

Махнув рукой вперёд, я сказал:



— Ищи!

Он понял и рванулся. В один миг он исчез было в кустах, но, потеряв меня из виду, испугался и вернулся. Несколько секунд он стоял и странно смотрел на меня, — казалось, он фотографировал, чтобы унести с собой отпечаток моей фигуры и потом постоянно держать его в памяти среди кустов и пней, не имеющих человеческой формы. Окончив эту свою таинственную работу, он показал мне свой вечно виляющий прут и убежал.

В кустах — не в поле, где всегда видно собаку. В лесу надо учить, чтобы собака, исчезнув с левой руки, сделала невидимый круг и показалась на правой руке, вертелась волчком.

И я должен знать, что, если собака не вернулась с правой руки, значит, где-нибудь она вблизи почуяла дичь и стала по ней. Особенно хорошо бывает следить



за собакой, когда идёшь просекой<sup>1</sup>, собака то и дело пересекает тропу.

Вот мой Ромка исчез в кустах и не вернулся. Я очень рад, его чувство свободы оказалось на первых порах сильнее привязанности к хозяину. Пусть будет так, я его понимаю: я охотник и тоже это люблю. Я только научу его пользоваться свободой согласно со мной, так и мне и ему будет лучше. Большими скачками, чтобы не оставлять за собой частых следов, по которым легко было бы ему меня разыскать, я перебегаю через кусты на другую полянку. Там на

середине стоит большой куст можжевельника. Я разбежался, сделал огромный скачок в середину куста и затаился.

По мокрой земле не был слышен топот собачьих лап, но зато издали донёсся до меня треск кустов и частое хаханье. Я понимаю хорошо это хаханье, он хватился меня, бросился со всех ног искать и сразу от сильного волнения задыхался. Однако он довольно верно рассчитал место моего нахождения: пронесится по первой поляне, откуда я начал скакать.

---

<sup>1</sup> Прóсека — очищенная от деревьев полоса в лесу, служащая границей участка, дорогой и т.п.

Когда всё снова затихло, я даю сигнал своим резким свистком. Очень похоже на игру в жмурки.

Мой свист достиг его слуха, вероятно, как раз в то время, когда он в недоумении стоял где-нибудь на полянке и прислушивался. Он верно определил исходную точку звука, пустился во весь дух с паровозным хаханьем и стал в начале полянки с кустом можжевельника.

Я замер в кусту.

От быстрого бега и ужасного волнения у него висел язык на боку челюсти. В таком состоянии, конечно, он ничего чують не мог, и расчёт его был только на слух: уши переполовинил, одна половина стоит, другая, обламываясь, свисает и всё-таки закрывает ушное отверстие. Пробует склонить голову на сторону — не слышно, на другую — тоже не слышно. И, наконец, понял, в чём дело: он не слышит потому, что заглушает хозяйский звук своим дыханием, исходящим из открытого рта. Закрывает рот, второпях одну губу прихватил и так слушает с подобранный губой.

Чтобы не расхохотаться при виде такой смешной рожи с поджатой губой, я зажимаю себе рот рукой. Но ему не слышно. Природа без хозяина ему кажется теперь как пустыня, где бродят одни только волки, его предки. Они ему не простят за измену волчьему делу,



за любовь к человеку, за его тёплый угол, за его хлеб-соль. Они его разорвут на клочки и съедят. С волками жить, надо по-волчьи выть.

И он пробует. Он высоко поднимает голову вверх и воет.

Этого звука я у него никогда ещё не слышал. Он действительно почувал волчью пустыню без человека. Совершенно так же воют молодые волки в лесу, когда мать ушла за добычей и долго не возвращается...

Да оно так и бывает. Волчья матка схватила овцу и несёт её к детям. Но охотник проследил её путь и притаился в засаде. Волчица убита. Человек приходит к волчатам, берёт их к себе и кормит. Неизмеримы запасы нежности в природе, свои чувства к матери волчата переносят на человека, лижут ему руки, прыгают на грудь. Молодые не знают, что этот человек застрелил их настоящую мать. Но дикие волки всё знают, они смертельные враги человеку и этой изменнице волчьему делу, собаке.

Ромка так жалобно воет, что у меня сжимается сердце. Но жалеть мне нельзя: я учитель.

Я не дышу.

Он повёртывается задом ко мне и слушает в другой стороне. Может быть, где-нибудь в поднебесье свистнул пролетающий кулик?

Не туда ли забрался хозяин и не он ли зовёт к себе на небеса?

А вот это, наверно, в ближайшем болотце корова спугнула чибиса, и он, взлетая, высвистывал своё обыкновенное: «Чьи вы?» Это уж и не так высоко и не так далеко, очень возможно, это свистнул хозяин.

Ромка со всего маху ринулся на это «Чьи вы?», а я вслед ему резко в свисток:

— Вот я!

Он вернулся.

В какие-нибудь пятнадцать минут я измучил его и на всю жизнь напугал лесом пустым, без человека, поселил в нём ужас к жизни его предков, диких волков. И когда, наконец-то, я нарочно шевельнулся в кусту и он услышал это, и я закурил трубку, а он почуял запах табаку и узнал, то уши его опустились, голова стала гладкой, как арбуз. Я встал. Он лёг виноватый. Я вышел из куста, погладил его, и он бросился в безумной радости с визгом скакать.



## Ежовые рукавицы

Собака, всё равно как и лисица и кошка, подбирается к добыче. И вдруг замрёт. Это у охотников называется стойкой.

Собака только стоит и указывает, а человек при взлёте стреляет. Если же собака при взлёте бежит, это не охота. За одной побежит — другую спугнёт, третью, да ещё и с лаем пустится по болоту турить — охотнику так ничего и не достанется.



Учил я Ромку, чтобы не гонять, и не мог научить.

— Некультурен! — сказал мне однажды егерь Кирсан.

— Как же быть с некультурностью? — спросил я.

Кирсан очень странно ответил:

— Некультурность у собак надо ежом изгонять.

Нашли мы ежа. Я пустил Ромку в тетеревиные места, и скоро он стал по тетёрке.

Я позади Ромки стал, а Кирсан с ежом сбоку. Приказываю:

— Вперёд!

Ромка с лапки на лапку: раз, два, три...

«Ту-ту-ту!» — вылетела.

— Назад! — кричу Ромке.

Ничего не помнит, ничего не слышит. Бросился. И тут-то Кирсан на прыжке сбоку прямо на нос ему ежа. Ромка опомнился, взвизгнул — и на ежа. А ёж ему своими колючками ещё здорово поддал. И мы на Ромку и приговариваем:

— Помни ежа, помни ежа!

С тех пор, когда птица взлетает, я говорю негромко:

— Ромка, помни ежа!

Он и опомнится.

Однажды я спросил Кирсана:

— Как это вы, Кирсан Николаевич, пришли к такой догадке, чтобы некультурность ежом изгонять?

— С себя самого перевёл, Михайло Михайлович, — ответил Кирсан. — В детстве соседям окна бил из рогатки. Раз поймали меня и говорят: «Этого мальчишку надо взять в ежовые рукавицы!» И взяли. А потом это с себя я на собак перевёл с большой пользой.